

Г.И. Тараканов

**ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(вторая половина XX – начало XXI в.)**

Проблема экономического роста в мире остается актуальной на протяжении нескольких последних десятилетий. Интерес к ней в большой степени обусловлен неравномерностью темпов развития разных стран, замедлением роста промышленно развитых государств в конце XX в. и постоянно увеличивающимся отставанием беднейших стран от ведущих мировых держав. При этом в ряде развивающихся стран, таких как Китай, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Южная Корея, на определенных этапах развития наблюдалась стабильно высокие темпы роста ВВП, что позволило им добиться существенных успехов в сокращении разрыва в благосостоянии с развитыми государствами.

Выявление механизмов, способствующих ускоренному развитию одних стран и тормозящих рост ВВП других, стало одной из основных проблем экономической науки во второй половине XX в. Именно в этот период был разработан ряд теоретических подходов к экономическому росту, послуживших базой для проведения многочисленных эмпирических исследований. Путем анализа полученных в них результатов был сформирован список факторов, положительно влияющих на темпы экономического роста (1). В него вошли: высокий уровень инвестиций в физический капитал; быстрое накопление человеческого капитала; низкая степень неравенства доходов; низкая рождаемость; расположение страны на большом расстоянии от экватора; низкий уровень заболеваемости тропическими болезнями; наличие выхода к морю; благоприятные погодные условия; снижение роли государства в реализации фи-

нансируемых им проектов; открытость торговой политики; развитие рынков капитала; политическая независимость; экономическая свобода; этническая однородность населения; колониальное прошлое; особенности законодательства; защита прав собственности и норм права; эффективная деятельность правительства; политическая стабильность; наличие развитой инфраструктуры; рыночный метод ценообразования и установления обменного курса; успешное привлечение прямых иностранных инвестиций; предоставляемая на определенных условиях помощь международных организаций.

Теория экономического роста: кейнсианский и неоклассический подходы

Основы современной теории роста были заложены в трудах Р. Харрода по экономической динамике (2). В разработанной им модели предполагалось, что темпы роста выпуска прямо пропорциональны доле сбережений и обратно пропорциональны капиталоемкости. Р. Харроду удалось создать теорию экономической динамики, описывающую краткосрочную и циклическую нестабильность капиталистической экономики. Эта теория была положительно воспринята кейнсианцами и стала основой для создания Н. Калдором, Дж. Робинсон и другими представителями посткейнсианства новых моделей экономического роста (3). Однако она вызвала бурную критику со стороны неоклассиков и марксистов.

Неоклассики активно выступали против утверждения Р. Харрода о нестабильности капиталистической системы, критикуя тезисы о независимости капиталоемкости и нормы накопления, нейтральном характере научно-технического прогресса, и зависимости экономического роста только от увеличения инвестиций (4).

Несмотря на ряд успешных попыток использования теории Р. Харрода на практике, например при планировании экономического роста в Японии 1960-х годов, в целом ее влияние на рост в развивающихся странах было несущественным. Так, Уильям Истерли, известный эксперт по проблемам развития, профессор экономики в Университете Нью-Йорка, многие годы проработавший в качестве аналитика во Всемирном банке, в ходе исследования, проведенного на основании данных о 138 странах мира, показал, что устойчивая статистически значимая зависимость между инвестициями и ростом имеет место лишь в четырех государствах (Израиль,

Либерия, Реюньон и Тунис) (5). Данный результат свидетельствует о крайне низкой работоспособности теории Р. Харрода.

Неоклассическая модель роста экономики, предложенная в работах Роберта Солоу и других авторов (6), исходит из представления о ведущей роли накопления капитала в развитии. При этом в более поздних работах неоклассиков (7) понятие «капитал» было расширено за счет включения в него человеческого капитала. Принципиальное отличие этой модели от кейнсианской заключается в отсутствии фиксированного соотношения между капиталом и трудом. Р. Солоу, как и другие неоклассики, использовал производственную функцию Кобба–Дугласа, включавшую труд и капитал в качестве двух независимых факторов, соотношение между которыми может постоянно изменяться. При этом оптимальным, как установил Эдмунд Феллс (8), является такой уровень капиталовооруженности, при котором предельная производительность капитала (ставка процента) равна темпам роста экономики.

Модель Р. Солоу, с одной стороны, позволила решить проблему неустойчивости развития капиталистической экономики и дала возможность оценить вклад труда и капитала в ее рост. С другой стороны, значительная часть роста, обусловленная влиянием экзогенных факторов, не нашла в ней адекватного объяснения. Как установил сам автор модели, эта часть роста, получившая название «остаток Солоу», отражает положительное влияние научно-технического прогресса на развитие экономики. По расчетам Р. Солоу, уже в середине XX в. доля научно-технического прогресса в росте ВВП превышала 80% (9, с. 320). Необходимо отметить, что в данном случае под научно-техническим прогрессом понималось влияние широкого круга неучтенных в модели факторов: инноваций, повышения уровня образования работников, возрастания эффективности управления производством и др. Научно-технический прогресс в виде отдельной переменной был включен в более поздние модели, однако при этом он сохранял экзогенный характер.

Значительный вклад технического прогресса в рост экономики, варьировавшийся от 33% в 1909–1929 гг. до 78% в 1929–1957 гг. (10), и все ярче проявлявшиеся недостатки неоклассической теории развития, согласно которой все страны, получившие равный доступ к современным технологиям, должны иметь в пределе сближающиеся между собой темпы производительности труда, и не учитывавшей вклад человеческого капитала в рост ВВП, явились стимулом для создания моделей, включающих технологический прогресс

в качестве эндогенного фактора. В середине 1980-х годов ряд ученых (Ф. Агайон, Р. Лукас, П. Ромер и П. Хоувитт) разработали модели экономического роста, в рамках которых предусматривалось создание присущих описываемой экономической системе технологий (7). Они стимулировали развитие системы при неизменности соотношения затрат на традиционные факторы роста экономики – труд и капитал. Основным источником ресурсов для развития технологий в моделях эндогенного роста является накопление человеческого капитала.

Эти модели способствовали раскрытию механизма экономического развития в долгосрочном периоде, поскольку в них учитывался технологический прогресс, и признавалась важная роль политики правительства в развитии экономики. Однако их применение имеет свою специфику, так как одни и те же модели работают по-разному в различных условиях (11).

Эндогенные модели роста подверглись активной критике со стороны неоклассиков. Так, Р. Солоу считал, что они опираются на значительное число предположений о характере научной деятельности и принципах развития технологических процессов, требующих дополнительной эмпирической проверки (12). Джонс подчеркивал, что теоретические предположения о наличии эффекта масштаба от направляемых в научно-исследовательский сектор ресурсов не находят подтверждения в эмпирических данных США (13). Однако несмотря на справедливость приведенных замечаний, модели эндогенного роста представляют собой наиболее современное описание механизмов развития экономики и все более широко используются в различных эмпирических исследованиях.

Модель эндогенного роста в первую очередь применяется в работах, изучающих влияние инноваций на развитие экономики. Так, как показали Х. Лин и Б. Руссо, при сокращении налогообложения секторов экономики наибольший эффект дает уменьшение налогового бремени компаний, занимающихся исследовательской деятельностью (14). Другим аспектом применения теории эндогенного роста является анализ влияния государственной политики на экономическое развитие страны. Установлено, что повышение объемов государственных расходов до определенного уровня ведет к увеличению нормы накопления и темпов роста экономики, однако дальнейшее повышение этого показателя начинает сдерживать рост ВВП (15).

Следует также отметить, что всем перечисленным выше моделям свойственны два серьезных ограничения: они слабо согласуются с результатами эмпирических исследований и не могут объяснить существенную часть экономического роста. Это послужило стимулом для расширения набора переменных, рассматриваемых в качестве потенциальных факторов развития экономики. Поиск таких факторов и изучение их влияния на экономический рост позволили расширить представление о детерминантах роста. Однако в научном сообществе до сих пор нет единого мнения о составе набора ключевых детерминант развития экономики и характере их влияния на рост ВВП на душу населения. Лишь несколько переменных – накопление физического и человеческого капитала и технологический прогресс – были признаны большинством авторов (но далеко не всеми) в качестве факторов, определяющих развитие экономики (5).

Учитывая обширность круга переменных, влияние которых на рост ВВП на душу населения было исследовано в последние десятилетия, далее будут рассмотрены лишь те показатели, которые наиболее часто анализируются в качестве детерминант роста. При этом большинство из них (за исключением человеческого капитала, технологического прогресса и институциональных факторов развития) носит второстепенный характер. Инвестиции и сбережения – ключевые факторы, входящие во все модели экономического роста и подробно изученные в литературе, в настоящей работе рассматриваться не будут.

Эмпирический анализ факторов экономического роста

Одним из наиболее значимых факторов развития экономики является *человеческий капитал*. Так, в государствах с высокой долей населения со средним образованием наблюдаются более высокие темпы развития, чем в странах с низкой вовлеченностью населения в учебный процесс (16). Повышение уровня образования женщин до уровня средней школы приводит к снижению рождаемости, а рост доли закончивших среднюю школу среди всего населения – к снижению младенческой смертности и увеличению продолжительности жизни. Все это способствует экономическому росту (17).

Интересно отметить, что разные ступени образования по-разному влияют на рост ВВП. Например, для такого развивающегося государства, как Гватемала, повышение на 1% средней продолжи-

тельности обучения в школе населения приводило к росту выпуска на 0,33%. При этом наибольшую роль играло увеличение численности граждан со средним и начальным образованием, которые были наиболее востребованы в процессе перенимания Гватемалой технологий у развитых стран (18, с. 33). Наряду с уровнем образования населения страны на рост ее ВВП влияет и преобладающая специализация выпускников учебных заведений. Так, как показали К. Мерфи, А. Шляйфер и Г. Вишни, государства, готовящие преимущественно инженеров и технических специалистов, развиваются быстрее, чем страны, среди выпускников учебных заведений которых доминируют юристы (19). Согласно концепции авторов, это объясняется тем, что наиболее талантливые люди обычно организуют деятельность других, распространяя таким образом свои способности и стимулируя развитие экономики через открытие новых фирм и создание инноваций. Если же эти люди выбирают рентоориентированное поведение, они лишь перераспределяют богатство и замедляют экономический рост государства.

Тесная связь между здоровьем населения, уровнем образования и развитием экономики наиболее ярко проявляется на примере африканских стран. Исходя из теории конвергенции, эти страны, значительно отстававшие от развитых государств в 1960 г., должны были быстрыми темпами сокращать свое отставание, однако этого не произошло. На производительности труда и рождаемости отрицательно оказывались низкий уровень образования (лишь около 40% населения посещало начальную школу) и слабо развитая система здравоохранения. Это способствовало распространению в африканских государствах эпидемий малярии, практически искорененной в других регионах мира, а позднее и эпидемий СПИДа. В результате средняя ожидаемая продолжительность жизни на континенте, находившаяся в начале периода на крайне низком уровне (40 лет, против 67 лет в странах ОЭСР и 62 лет в Юго-Восточной Азии), практически не выросла (20, с. 12).

В то же время в литературе встречается альтернативная, гораздо более спорная позиция по вопросу о зависимости между человеческим капиталом и экономическим ростом. Ее сторонники полагают, что образование не может оказать достаточного влияния на рост экономики (при наличии сильного обратного влияния), так как повышение уровня образования населения, способствующее ускорению роста ВВП через повышение качества обучения, должно приводить к выравниванию профилей заработков для разных ко-

горт, чего не происходит в действительности (21). Другие исследователи показали наличие устойчивого положительного влияния повышения дохода на снижение младенческой смертности при отсутствии значимой обратной зависимости (22). Некоторые авторы вовсе отрицают наличие положительной зависимости между ростом уровня образования и темпами экономического развития (23).

Анализ ряда эмпирических работ, опирающихся на модель Р. Солоу, показал, что глобальные *технологические изменения* являются по сути локомотивом долгосрочного экономического роста как в отдельных странах, так и в мире в целом (24). В то же время внедрение одной и той же технологии в разных государствах, как правило, не приводит к одинаковым результатам. Это обусловлено особенностями процесса внедрения инноваций и их сочетанием с уже существующими технологиями. Во многих странах различия в стоимости факторов производства, уровне процентных ставок и начальном уровне производительности не позволяют достичь желаемого увеличения ВВП в результате адаптации технологий (25). Следует особо отметить, что внедрение инноваций дает наибольший эффект в том случае, когда оно происходит одновременно в нескольких отраслях промышленности. Концентрация технологических изменений в одном секторе, напротив, приводит к медленному развитию экономики (26).

Внедрение инноваций развивающимися государствами, как правило, лишь увеличивает их отставание от развитых стран. Дело в том, что развивающиеся государства перенимают новые технологии в последнюю очередь (27). Из-за низкого первоначального уровня развития и скучности ресурсов происходит лишь частичное внедрение инноваций. При этом активное копирование технологий, которое обходится значительно дешевле, чем их создание, ведет к уменьшению числа не скопированных развивающимися странами идей. В результате возрастают издержки их внедрения, что приводит к замедлению темпов экономического роста (28). Однако это не относится к импорту машин и оборудования, который неизменно оказывает положительное влияние на динамику развития (29).

Внедрение новых технологий, созданных и уже проверенных на практике в ведущих странах мира, казалось бы, должно способствовать развитию процесса конвергенции в развивающихся экономиках и повышению их уровня ВВП на душу населения. Так, применение современных технологических разработок в аграрных странах с несколькими слабо развитыми отраслями промышлен-

ности теоретически могло бы вызвать бурное увеличение объема их промышленного выпуска. Однако на практике догоняющее развитие технологий привело к повышению уровня дохода лишь в некоторых азиатских государствах, но не сказалось на темпах роста стран Африки и Латинской Америки.

Причины успеха азиатской модернизации кроются в том, что помимо внедрения наиболее современных технологий, созданных развитыми государствами, проводилась активная работа по формированию собственной научно-исследовательской базы и самостоятельной разработке новых технологий. При этом над их созданием трудились ученые из государственных, частных и некоммерческих научных учреждений, а проводимые исследования щедро финансировались правительством. В качестве примеров можно привести экономику Тайваня, который всего за два десятилетия превратился в одного из ведущих производителей компьютерного оборудования в мире (30), и Южной Кореи. Бурный экономический рост этой страны во многом объясняется заменой устаревших технологий на современные, обеспечивающие доступ к более эффективным методам производства (31).

Первоначальный уровень развития также оказывает значимое воздействие на темпы экономического развития – чем он ниже, тем проще достичь высоких темпов роста экономики. Это является одним из основных положений теории конвергенции, предполагающей неизбежность постепенного сближения уровней развития стран мира с разными начальными условиями (32). Подобные результаты могут быть получены при доминировании в анализируемой выборке развитых стран. В то же время увеличение веса развивающихся государств в выборке позволяет продемонстрировать непрекращающийся рост разрыва в уровне благосостояния между развитыми странами и беднейшими государствами мира (33).

Темпы роста экономики страны в значительной мере зависят от политического курса руководства государства. При этом в качестве основных «политических» детерминант экономического роста можно отметить стабильность политического режима, его демократичность, объем государственных расходов и характер проводимой экономической политики, масштабы коррупции в государственном аппарате, уровень военных расходов и зависимость от международной помощи.

Одним из основных политических факторов экономического роста является стабильность правящего в стране режима. При этом

чем она выше, тем значительнее темпы роста экономики (16). Политическая нестабильность, напротив, препятствует нормальному развитию экономики, что особенно четко можно проследить на примере большинства африканских государств в 1960–1990 гг. (34). Важно отметить: способ смены правящей элиты также является одной из детерминант развития экономики. Смена правительства, проходящая в рамках конституции, способствует ускорению экономического роста, в то время как насильственная смена режима оказывает заметное дестимулирующее воздействие.

Одним из основных факторов, приводящих к укреплению политической стабильности, является демократия. Согласно данным Д. Леблана, она оказывает положительное влияние на экономический рост, которое, возможно, носит косвенный характер (35). Однако существует и противоположная точка зрения. Ряд исследований показывает, что при низком уровне политической свободы демократизация способствует экономическому росту, но при достижении среднего уровня политических свобод она начинает препятствовать развитию экономики. В итоге воздействие исследуемой переменной на рост является слабым отрицательным (36).

Наряду с характеристиками политического режима на темпы развития влияет также *тип экономической системы*. В современном мире преобладает рыночная система экономики. Альтернативная – командная – система существует лишь на Кубе и в КНДР. Особенности политических режимов этих государств, их закрытость и отсутствие достоверных статистических данных не позволяют рассматривать их в эмпирических исследованиях. По тем же причинам до начала 1990-х годов не включались в исследования СССР и другие страны социалистического блока. Сопоставить динамику экономического роста в рыночной и командной системах невозможно, так как они по сути представляют собой две взаимоисключающие модели функционирования экономики.

Государства с переходной экономикой, лишь недавно вступившие на рыночный путь развития, имеют целый ряд особенностей, оказывающих влияние на их динамику. Это позволяет говорить о переходном состоянии экономики как факторе роста ВВП на душу населения. Процесс трансформации является болезненным для экономики. Он приводит к перестройке ее структуры, сокращению объемов производства, уменьшению инвестиций, росту коррупции, дестабилизации финансовой системы и, как следствие, – к снижению реального ВВП (37).

В дальнейшем политика структурных реформ, направленных на приватизацию государственной собственности, а также на стабилизацию и либерализацию экономики, на фоне устойчивой политической обстановки приводит к постепенному восстановлению финансовой системы и новому экономическому росту (38). При этом скорость восстановления нормального функционирования экономики зависит от наличия в стране стабильной институциональной системы (39). Таким образом, переходное состояние экономики в краткосрочном периоде оказывает сильное негативное воздействие на рост душевого ВВП, которое сменяется слабым положительным влиянием в долгосрочном периоде.

Роль государства в рыночной экономике и допустимая степень его вмешательства в экономические процессы остаются предметом бурной научной дискуссии на протяжении десятков лет. Существует широкий спектр мнений относительно необходимости участия правительства в экономических процессах наравне с другими субъектами рынка, допустимого объема государственной собственности и оптимального уровня государственных расходов, позволяющего проводить сбалансированную экономическую политику.

В последнее время большое внимание уделяется вопросу об оптимальном для поддержания экономического роста объеме *государственного потребления*. С одной стороны, в краткосрочном периоде увеличение потребления государства приводит к повышению объема ВВП, т.е. к экономическому росту. С другой – в среднесрочном периоде увеличение активности государства может оказывать значительное косвенное отрицательное влияние на деятельность других экономических субъектов, что, в свою очередь, приводит к снижению темпов экономического роста.

Исследуя влияние государственных расходов на экономический рост на базе данных по 104 странам из выборки Summers-Heston, созданной в Пенсильванском университете и являющейся одним из основных источников для проведения сравнительных исследований в области экономического роста, Д. Ландау установил наличие значимой отрицательной зависимости между реальным ВВП на душу населения и долей государственных расходов в ВВП (40). Аналогичные результаты по данным для 115 стран из той же выборки получили К. Гриэр и Г. Таллок (41), показавшие, что отрицательная связь между ростом душевого дохода и увеличением расходов правительства во всей выборке во многом объясняется наличием сильной негативной зависимости между исследуемыми

показателями в 24 странах ОЭСР. Существование отрицательной зависимости в 16 развитых государствах ОЭСР было позднее подтверждено Дж. Барсом и М. Брэдли (42). В то же время исследования Р. Корменди и П. Мэгуайера не выявили какой-либо значимой связи между расходами государства и экономическим ростом в 47 странах (43). Отсутствие или неустойчивый характер зависимости между рассматриваемыми показателями были отмечены и другими исследователями (44).

Большое влияние на динамику экономического роста оказывает *экономическая политика*, проводимая правительством. Неэффективная фискальная и монетарная политика правительства, проявляющаяся в увеличении бюджетного дефицита и резких колебаниях обменного курса национальной валюты, тормозит развитие экономики (45). Пассивность правительства, не предпринимающего усилий, направленных на борьбу с инфляцией, также негативно сказывается на темпах экономического роста (46). Фискальная политика влияет на скорость развития в меньшей степени – при исследовании влияния изменения налогового бремени на темпы роста ВВП на душу населения не было выявлено какой-либо устойчивой зависимости между динамикой этих индикаторов (47).

В то же время хорошее состояние государственных финансов и развитие финансовой системы являются еще одним фактором, стимулирующим экономический рост (45). Качественная работа финансовых институтов оказывает устойчивое положительное влияние на рост ВВП на душу населения несколькими способами (48). Во-первых, она снижает стоимость заемного финансирования для частного сектора, стимулируя модернизацию и расширение производственных мощностей (49). При этом ускорению темпов роста способствует как повышение ликвидности на рынке ценных бумаг, так и развитие банковского сектора (чем выше объем сбережений, хранящихся в банках, тем быстрее развивается экономика государства (50). Наибольший эффект достигается при одновременном развитии обоих этих факторов, так как финансовые рынки и банки удовлетворяют потребности разных групп клиентов. Такие характеристики рынка ценных бумаг, как суммарная капитализация, волатильность и степень интеграции в мировую финансовую систему не оказывают значимого воздействия на темпы экономического роста (51). Во-вторых, развитие рынка акций облегчает процесс смены собственника предприятия без остановки производствен-

ного цикла и дает инвесторам возможность диверсифицировать портфель вложений (52).

Эффективность проводимой политики во многом зависит от степени развития и качества работы бюрократического аппарата. Его положительное влияние может быть полностью сведено на нет такими обстоятельствами, как высокая степень бюрократизации в процессе принятия решений и коррупция. По данным опроса жителей 19 развивающихся стран, именно коррупция стоит на четвертом месте в списке 15 основных национальных угроз, уступая лишь преступности, инфляции и рецессиям (53). Нечистоплотность чиновников оказывает сильное негативное воздействие на экономический рост через снижение объемов инвестиций (54). Следует отметить, что коррупция не только приводит к уменьшению притока иностранных инвестиций (55), но и понижает эффективность их использования (56), затрудняет развитие малого бизнеса (57), укрепляет теневой сектор экономики (54), замедляет процессы финансовой интеграции государств (58). Возможно, именно коррупция явилась основной причиной затяжного экономического кризиса начала 1990-х годов, который обусловил отставание стран СНГ в экономическом развитии от других государств с переходной экономикой (55).

Снижение уровня коррупции способствует активизации экономического роста (59). Поэтому борьба со взяточничеством является одним из основных направлений деятельности международных организаций, стремящихся повысить уровень жизни в развивающихся странах и обеспечить их переход к устойчивому развитию.

Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк ежегодно выделяют значительные объемы средств на проведение структурных реформ в наименее развитых странах. Сложность оценки *влияния помощи иностранных государств на развитие экономики* заключается в том, что эта помощь направлена на улучшение экономической ситуации в стране, причем приоритетные направления расходования средств определяются донорскими организациями, которые в итоге и оценивают эффективность использования выделенных средств. Парадокс заключается в том, что во многих случаях реализуемые программы поддержки не приводят к существенным положительным изменениям в экономике государства, а лишь способствуют увеличению его внешнего долга (60) и ухудшению качества институтов (61), деятельность международных организаций, как правило, не приносит ожидаемого эффекта, а их

финансовая помощь практически не оказывает влияния на экономический рост (62).

Более того, в долгосрочном периоде поддержка МВФ приводит к замедлению темпов экономического роста (63). Условия, на которых выдаются займы международных организаций, далеко не всегда соблюдаются, а правительство, получающее зарубежное финансирование, стремится сократить текущий дефицит, приостанавливая финансирование инфраструктурных проектов и уменьшая текущее потребление (64). В периоды получения займов во многих странах возрастают объемы добычи нефти, и это ведет к сокращению природных богатств, доступных будущим поколениям (65). Тем не менее в некоторых работах приводятся данные о существенном положительном влиянии помощи на рост, правда, наблюдалось оно лишь для азиатских государств в период 1950–1970 гг. (66), что ставит под сомнение применимость данной концепции в общем случае.

Сомнительным представляется объяснение причин низкой эффективности программ помощи развивающимся странам, согласно которому эти программы опираются на доказавшую свою несостоятельность модель Харрода-Домара, предполагающую повышение темпов экономического роста за счет пропорционального повышения нормы сбережений и общего объема получаемых инвестиций (67), и теорию стадий экономического роста У. Ростоу (68). Наиболее яркой работой, поддерживающей эту точку зрения, стало исследование У. Истрели. Используя данные за 1965–1995 гг. по выборке из 88 стран, он проверил наличие положительной статистической зависимости между международной помощью и инвестициями, а также гипотезу о том, что увеличение помощи на 1% должно приводить к неменьшему росту капиталовложений (5).

Первый тест дал положительный результат для 17 стран, из них второй тест прошли лишь шесть государств. Это Гонконг (средний ежегодный объем получаемой помощи 0,07% от ВВП), КНР (0,2% от ВВП), а также Тунис, Марокко, Мальта и Шри-Ланка, которым финансовая поддержка оказывалась в минимальном объеме. Хотя в большинстве моделей инвестиции присутствуют в качестве одного из факторов роста экономики (в некоторых случаях являющегося единственным), лишь в четырех странах из 138 удалось выявить статистически значимое положительное влияние капиталовложений на рост ВВП на душу населения (5). Поэтому неудивительно, что некоторые исследователи оспаривают сам факт существования такой зависимости.

В то же время сторонники данной теории игнорируют влияние таких признанных факторов снижения эффективности помощи, как нецелевое использование средств, коррупция и низкий уровень развития институциональной среды.

Международные финансовые институты, как правило, реализуют проекты, направленные на усиление одной из важнейших функций государства – поддержание и развитие инфраструктуры: транспортных и коммунальных систем, каналов связи и других комплексов жизнеобеспечения. Правительства многих стран плохо справляются с выполнением этой функции, что приводит к замедлению экономического развития. В то же время увеличение инвестиций в транспортную инфраструктуру и каналы связи на один процент от ВВП ведет к ускорению темпов развития на 0,6 процентных пункта (34, с. 1226). При этом поддержание существующей инфраструктуры в рабочем состоянии не только способствует повышению темпов роста экономики, но и приносит значительную прибыль – до 70% от ВВП (69).

Степень открытости экономики и ее вовлеченность в мировые торговые связи также влияют на темпы развития страны. Либерализация торговли и снижение торговых барьеров способствуют ускорению развития (45), однако в государствах с переходной экономикой отмена ограничений может приводить к кратковременному сокращению темпов роста ВВП и к возникновению диспропорций в развитии регионов (70).

Как свидетельствует целый ряд исследований, быстрее всего растет ВВП на душу населения тех стран, которые ведут активную внутрирегиональную торговлю с преобладанием экспорта. Наиболее ярко это видно на примере государств Юго-Восточной Азии (71). В то же время, как показывает опыт Латинской Америки, либерализация торговли может не оказывать заметного влияния на экономический рост или даже приводить к существенному замедлению его темпов (72). Такая ситуация объясняется тем, что наиболее открытыми являются «маленькие экономики», не способные конкурировать с крупными торговыми державами (73). Однако введение запретительных тарифов и иных торговых ограничений приведет к росту цен на внутреннем рынке и к замедлению темпов развития (74).

Одним из наиболее важных факторов роста экономики, особенно в развивающихся странах, являются *прямые иностранные инвестиции* (ПИИ). Их приток способствует переносу технологий и

управленческих навыков в эти государства, стимулирует увеличение доли высокотехнологичной продукции в экспорте и укрепляет степень интеграции принимающей страны в глобальные экономические процессы (75, 76). Это делает вклад ПИИ в развитие гораздо более значимым по сравнению с влиянием домашних инвестиций. При этом рост ПИИ приводит к увеличению капиталовложений внутри страны с мультиликатором, превышающим единицу, за счет стимулирования инвестиций местных компаний (75). Высокая производительность труда в компаниях, получающих ПИИ, позволяет им выплачивать сотрудникам более высокую заработную плату по сравнению с местными фирмами. Это, стимулируя повышение вознаграждения труда и на отечественных предприятиях, приводит к росту благосостояния населения в экономике в целом (76).

Прямые иностранные инвестиции, особенно в финансовом секторе, способствуют развитию институтов и совершенствованию корпоративного управления в принимающей стране, что благоприятно оказывается на ее деловом климате и инвестиционной привлекательности (77). Кроме того, положительное воздействие ПИИ на темпы экономического роста принимающей страны заметно усиливается в условиях развитых финансовых рынков и постоянного повышения качества человеческого капитала (78).

В последнее время в экономической литературе большое внимание уделяется изучению влияния *институциональных факторов*. В ряде исследований установлено, что существенное положительное воздействие на рост экономики оказывают развитие институциональной среды и формирование эффективно функционирующих институтов (79). Наряду с рассмотренными ранее политическими институтами и институтами финансовой системы росту экономики способствуют четкая спецификация прав собственности (80) при наличии эффективных механизмов контроля со стороны собственника (81), активные действия регулирующих институтов (82), грамотная антициклическая политика кредитно-денежных и налоговых властей (83), развитая система государственного социального страхования (84) и эффективная работа институтов, занимающихся разрешением конфликтных ситуаций (85).

Несмотря на то, что при исследовании влияния институциональных факторов сложно учесть их непосредственное воздействие на темпы развития, они оказывают ощутимое косвенное влияние на экономические процессы за счет улучшения делового климата, уменьшения инвестиционного риска, снижения коррупции, повы-

шения эффективности работы государственных органов и законодательной системы, формирования антикризисного иммунитета финансовой системы и т.п. (86). При этом низкий уровень развития институциональной инфраструктуры может ощутимо замедлять рост экономики, сводя на нет положительное влияние высокого уровня нормы накопления и других детерминант роста (87). В то же время из-за трудностей при подборе инструментальных переменных при оценке влияния качества институтов на экономический рост не всегда удается установить наличие статистически значимой зависимости между этими показателями (88).

Если рассматривать влияние факторов экономического роста на развитие страны в исторической перспективе, то, безусловно, самым долгосрочным и устойчивым будет *воздействие географических факторов* (географического положения страны, климатических условий и демографической ситуации). При этом наиболее существенное влияние на экономический рост государства оказывает его географическое положение (20). На современном этапе развития особенно ярко проявляется негативное воздействие географических факторов на экономический рост тропических стран, что объясняется низкой производительностью их сельского хозяйства, высоким уровнем заболеваемости инфекционными болезнями и значительными транспортными издержками при ведении внешней торговли (89). Сложность мобилизации энергетических ресурсов в этих государствах и невысокая эффективность внедрения созданных в умеренной климатической зоне технологий также замедляют развитие экономики данного региона (90).

Анализ *демографической ситуации* в тропических странах показал, что высокая плотность населения и быстрые темпы его естественного прироста оказывают сильное отрицательное влияние на их экономический рост (90). Завершение демографического перехода, сопровождающееся снижением рождаемости и смертности, а также увеличением ожидаемой продолжительности жизни, напротив, способствует ускорению темпов роста ВВП (91). В то же время, как считает ряд исследователей, рост численности населения не оказывает статистически значимого воздействия на темпы развития экономики (92), что представляется весьма спорным. По мнению сторонников этой точки зрения, существенное отставание в развитии большинства африканских стран во многом объясняется разнообразным этническим составом их населения (34).

Подъем мировых цен на энергоносители с 2002 г., завершившийся во второй половине 2008 г., вновь остро поставил вопрос о том, что богатство страны природными ресурсами замедляет развитие ее экономики. Это явление активно обсуждается в современной научной литературе. Большинство авторов склоняются к мнению, согласно которому страны, имеющие значительные запасы природных ресурсов, используют их недостаточно эффективно (93). При этом, если в более ранних работах замедление развития объяснялось последствиями «голландской болезни», то в последнее время основное внимание уделяется институциональным факторам (94, 95). Так, неразвитая институциональная среда способствует непродуктивному изъятию рентных доходов в период роста мировых цен на энергоносители (96), что стимулирует развитие коррупции в одних странах (97) и укрепляет авторитарные диктаторские режимы в других (98).

Существует и противоположная точка зрения на *воздействие природного богатства на темпы экономического роста*. Как считают ее сторонники, значительные запасы минеральных ресурсов не замедляют развитие экономики (99). Снижение темпов роста ВВП на душу населения в большинстве нефтедобывающих стран обусловлено низким качеством их институтов. В то же время наличие развитых институтов ускоряет развитие экономики, наглядным подтверждением этому может служить норвежский опыт (94).

Исследование воздействия динамики мировых цен на нефть на темпы роста экономики показало, что характер влияния природных богатств на динамику экономического развития меняется во времени (100). Так, процессы интеграции и глобализации, а также развитие информационных технологий изменили характер зависимости между ценами на энергоносители и скоростью роста ВВП на душу населения. В 1960–1980 гг. повышение цен на нефть отрицательно влияло на развитие государств с наиболее высокими темпами роста (с лагом в один–два года) и стран – экспортёров энергоносителей (с лагом в три года). В 1990–2004 гг. высокие темпы роста экономики динамично развивающихся стран стимулировали увеличение потребления энергоресурсов и повышение цен на них. Это способствовало ускорению развития государств – экспортёров энергоносителей, но при этом не снижало темпы роста лидеров мирового экономического развития.

Завершая краткий анализ второстепенных детерминант роста, отметим, что практически невозможно выявить и описать все факторы, оказывающие влияние на темпы развития экономики. В под-

тврждение этой мысли рассмотрим несколько неординарных показателей, воздействие которых на скорость роста душевого ВВП представляется очень спорным.

Значительная часть экономической активности осуществляется в городах, поэтому уровень урбанизации и большой размер агломераций способствуют экономическому росту (101). Темпы развития зависят и от того, как население относится к исполнению религиозных обрядов. Распространенность религиозных представлений о мире стимулирует рост, в то время как частые посещения церкви замедляют его (102). Важно учитывать и то, какие именно религиозные течения доминируют в обществе. Так, высокая доля сторонников конфуцианства и ислама ускоряет развитие страны, в то время как значительная концентрация протестантов замедляет его (в данном случае рассмотрены лишь устойчивые зависимости) (103). При этом игнорируются результаты фундаментальной работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (104), показывающей, что в самой сути протестантской религии заложено стремление к повышению производительности труда и, как следствие, к росту выпуска.

К резким изменениям в экономической политике страны может привести внешняя агрессия. Необходимость приобретения современного вооружения и поддержания высокой боеспособности армии требует значительных бюджетных вливаний, именно поэтому расходы на оборону могут являться одним из ключевых факторов, действующих на экономический рост развивающихся стран (особенно, если учесть количество и частоту возникновения вооруженных конфликтов в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке). Авторы некоторых исследований утверждают, что военные расходы практически не влияют на развитие экономики (105). Однако более распространенной является точка зрения, согласно которой увеличение расходов на оборону оказывает негативное воздействие на рост душевого ВВП, которое частично компенсируется за счет использования труда военнослужащих при создании инфраструктуры и проведении других крупномасштабных работ (106).

Особенности роста экономики стран Восточной и Юго-Восточной Азии

Помимо исследования факторов развития экономики всех стран мира, в современной экономической науке большое внимание уделяется исследованию детерминант развития стран, демонстрировавших наиболее высокие устойчивые темпы роста ВВП на душу населения. При этом поиск факторов ускоренного экономического роста в основном фокусируется на детальном изучении особенностей развития новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии (ВА и ЮВА).

К их числу, как правило, относят Гонконг, Южную Корею, Сингапур, Тайвань, Малайзию, Таиланд и Индонезию. Эти государства в течение нескольких десятилетий сокращали свое отставание от развитых стран быстрее, чем какие-либо другие государства мира. Уникальность данного явления заключается в том, что «азиатским тиграм» удавалось на протяжении всего этого времени поддерживать очень высокие темпы роста (в среднем на 4,5–5% выше среднемировых). Лишь Китай может соперничать с ними по этим показателям (107, с. 72). Однако из-за более позднего начала периода роста, специфики механизмов развития (108, с. 303–329) и глобального масштаба экономики, как правило, КНР рассматривается отдельно или в составе группы БРИК.

Большинство исследователей считает, что стабильное динамичное развитие государств ВА и ЮВА обусловлено высоким уровнем накопления капитала, увеличением численности рабочей силы и повышением качества человеческого капитала. Как показало изучение зависимости роста производительности труда от увеличения капиталовооруженности работников в четырех странах ЮВА, быстрый экономический рост этих стран был вызван преимущественно накоплением капитала и лишь незначительная его часть (не более 2,5%) явилась следствием технологического прогресса (109, с. 662). Эта идея получила развитие в работе П. Кругмана, который провел аналогию между капитало-интенсивным ростом в СССР и капитало-интенсивным ростом Сингапурской экономики (110). Согласно другим оценкам, вклад накопления в развитие «азиатских тигров» составлял от 48 до 72% (111, с. 186).

Необходимо подчеркнуть, что сторонники определяющей роли накопления капитала учитывали не только рост инвестиций, но и аккумуляцию человеческого капитала за счет роста занятости и

уровня образования населения (24, 112). При этом общей чертой всех перечисленных работ является утверждение о неизбежности скорого конца азиатского экономического чуда, вызвавшее бурную дискуссию в научном сообществе и не подтвердившееся на практике.

Сторонники альтернативной точки зрения полагают, что ключевым фактором развития стран ВА и ЮВА является внедрение и активное использование иностранных технологий, повышающих эффективность производства и производительность труда. При этом они исходят из положений неоклассической теории, согласно которой накопление капитала прямо зависит от технологических изменений. Так, повторение расчетов Э. Янга с учетом этой зависимости свидетельствует: научно-технический прогресс играет существенно более значимую роль в развитии, чем накопление (113). Дополнительным подтверждением этой точки зрения является тот факт, что вклад различий в росте капиталовооруженности в различия в производительности труда разных стран составляет лишь 3%, в то время как вклад расхождений в технологическом прогрессе – 91, а в человеческом капитале – 6% (113, с. 94). Вывод об относительно небольшом вкладе различий в человеческом капитале в расхождения в динамике роста экономики следует также из результатов работы У. Истерли, согласно которым он составляет около 25% (114, с. 16).

Значительное влияние научно-технического прогресса на развитие стран Восточной и Юго-Восточной Азии во многом объясняется уменьшением технологического отрыва от развитых государств и эффективным внедрением новых технологий и инноваций (115). В некоторых работах утверждается, что высокие темпы роста ВВП стран ВА и ЮВА обусловлены влиянием обоих рассмотренных факторов (накопления и технологического прогресса) (см., например, источник 116).

Сторонники третьего подхода основную причину ускоренного развития стран данного региона видят в грамотной политике правительства. Однако мнения о том, какие именно действия правительства обусловили достижение такого результата, расходятся. Ряд авторов считает, что высокие темпы роста экономики азиатских государств являются следствием рыночно-ориентированной либеральной экономической политики: распространения режима свободной торговли и поддержки малого бизнеса (см., например, источник 117). Другие исследователи, напротив, усматривают причину восточного экономического чуда в активном вмешательстве

государства в экономику и в нарушении законов рынка с целью скорейшего сокращения отставания от развитых стран (118). Мнения практически всех ученых сходятся в одном: значительные экономические успехи стран Восточной и Юго-Восточной Азии явились следствием реализации их правительствами широкого спектра разносторонних инициатив в области экономической политики. При этом на первый план выходит вопрос о том, насколько велик вклад в их успешное развитие государственного и частного капитала (119).

Следует также отметить, что наряду с экономической политикой существенное влияние на экономический рост стран ВА и ЮВА оказали активные действия правительства по созданию инфраструктуры и поддержанию ее в рабочем состоянии. По некоторым данным, именно наличие развитой инфраструктуры объясняет до 40% разницы в темпах роста экономики между динамично развивающимися государствами и другими странами мира (120, с. 35).

Авторы практически всех работ, посвященных анализу причин ускоренного развития стран ВА и ЮВА, признают важную роль открытости экономики в достижении устойчиво высоких темпов роста, однако расходятся в представлениях о механизме воздействия этого фактора. Так, одни исследователи считают, что именно открытость экономики способствовала успешному технологическому прорыву в странах данного региона и тем самым стимулировала рост душевого ВВП (121). По мнению других, существенный вклад в экономический рост внесло развитие торговли в условиях открытой экономики. Величина этого вклада заметно превышала суммарный вклад накопления физического и человеческого капитала (122).

Существует и альтернативная точка зрения, согласно которой доходность экспорта в государствах Восточной и Юго-Восточной Азии была слишком низкой для того, чтобы стимулировать развитие их экономики, а причины бурного роста данной группы стран заключаются в высокой отдаче от человеческого капитала и в высокой норме прибыли инвестиций, которые стимулировали импорт капитала в страны региона (123). Основанием для такой точки зрения служит тот факт, что «азиатские тигры» получают огромные объемы ПИИ, оказывающие сильное положительное влияние на темпы роста их экономики (124).

Особенности развития стран ВА и ЮВА в последнее десятилетие изучены несколько меньше. При этом большинство исследователей уделяют внимание последствиям азиатского финансового

кризиса 1997–1998 гг. Одной из наиболее серьезных работ, посвященных анализу детерминант экономического роста государств ЮВА в этот период, является исследование Р. Барро (125), согласно которому кризис не оказал существенного влияния на рост их ВВП. Несмотря на то, что азиатский кризис был существенно сильнее, чем большинство эпизодов рецессии в XX в., и сопровождался кризисом ликвидности и политической нестабильностью в ряде стран региона, «азиатским тиграм» удалось «выкарабкаться из пропасти» намного быстрее, чем этого можно было ожидать, и сохранить высокие темпы роста экономики в посткризисные годы (126). По некоторым прогнозам, страны ВА и ЮВА продолжат успешное развитие и в дальнейшем. При этом основными факторами роста ВВП на душу населения в них станут рост человеческого капитала и повышение сложности и качества выпускаемой продукции (127).

Анализ механизма экономического роста стран Юго-Восточной Азии в 1990–2004 гг. свидетельствует: их развитие обусловлено совместным влиянием упомянутых выше факторов (100, 128). Проведенный анализ причин быстрого развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии в 1990–2005 гг. показал, что ключевой детерминантой роста их экономики стало поддержание высокого уровня валового внутреннего накопления, чему способствовали действия правительств, формировавших благоприятный инвестиционный климат и стабильную институциональную среду, высокие темпы роста фондового рынка, низкая стоимость ресурсов и выгодное географическое положение, привлекавшие инвесторов, а также ограниченность потребления домашних хозяйств. Большая часть инвестиций в странах ВА и ЮВА шла на развитие обрабатывающей промышленности, создаваемой с активным участием иностранного капитала, когда практически вся продукция экспортировалась в развитые страны. Превращение государств ВА и ЮВА в «мировую фабрику» способствовало ускоренному росту их национальной экономики и, в конечном итоге, – формированию уникального положения этой группы стран на мировых рынках металлов и энергоносителей, позволяющего им влиять на уровень мировых цен на ресурсы. Высокий и быстро растущий спрос обрабатывающей промышленности на сырье привел к заметному повышению его стоимости в мировом масштабе.

Уровень развития страны и факторы ее роста: эмпирическое исследование

Общей чертой рассмотренных ранее работ является исследование факторов экономического роста на основе выборок, включающих в себя данные по значительному числу стран мира, или данных по отдельно взятым государствам. В то же время анализ детерминант ускоренного развития стран ЮВА показал, что влияние факторов роста может проявляться в отдельной группе стран, но отсутствовать в экономике других государств. При этом в качестве критерия группировки может использоваться не только региональный фактор, но и уровень развития экономики государства. Данный вывод был получен в результате исследования влияния уровня развития страны на детерминанты роста ее экономики, выполненного по специально разработанной методике (129). Она позволяет при проведении эмпирических исследований получать устойчивые корректные результаты и учитывать воздействие уровня ВВП на душу населения на экономические процессы.

Для выявления основных факторов экономического роста в 1960–2004 гг. была сформирована выборка из 87 стран. Процесс ее создания состоял из четырех этапов, на протяжении которых из 208 государств и территорий мира были исключены около 60% стран с низким уровнем душевого ВВП, небольшой численностью населения, государства, по которым не было достоверных статистических данных, а также страны, принимавшие участие в военных конфликтах. Полученная выборка может быть использована для проведения исследований макроэкономических процессов в масштабе мировой экономики, так как на входящие в нее страны приходится 96,3% мирового ВВП.

При разработке методики разделения стран на относительно однородные группы в качестве основных критериев были выбраны уровень ВВП на душу населения, динамика развития экономики во второй половине XX в. и географический фактор, а в качестве дополнительных критериев однородности групп – коэффициенты вариации государственных расходов, накопления и их суммы. В соответствии с указанными критериями выборка из 87 стран была разделена на три группы: А (развивающиеся страны), В (страны среднего уровня развития и государства с переходной экономикой) и С (развитые государства). При этом был рассмотрен максимальный интервал времени, по которому доступны статистические дан-

ные для большинства стран мира – 45 лет (с 1960 по 2004 г.), который с учетом изменения экономической и политической конъюнктуры был разделен на три примерно равных по продолжительности периода: 1960–1973 гг., 1974–1989 и 1990–2004 гг.

В соответствии с расширенной версией модели Р. Солоу в качестве показателя, отражающего экономическое развитие страны, в работе (129) использовались темпы роста ВВП на душу населения. В результате анализа литературы был сформирован набор из 30 переменных, оптимальный для изучения их воздействия на развитие экономики. Для решения поставленных задач необходимо было установить наличие, степень тесноты и знак связи между каждым из факторов и темпами роста экономики. Исследование проводилось методом корреляционного анализа, в ходе которого были рассмотрены лишь статистически значимые (при уровне значимости 5%) парные зависимости между переменными и экономическим ростом. При этом в качестве наблюдения бралось значение одной переменной в отдельно взятой стране в определенном году.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что характер влияния целого ряда детерминант экономического роста зависит от уровня развития страны. Наиболее ярко это проявляется для шести макроэкономических показателей, коэффициенты корреляции темпов роста душевого ВВП с которыми приведены в таблице. Это валовое накопление, валовые внутренние сбережения, государственные расходы, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции и международная помощь.

**Таблица
Коэффициенты корреляции между макроэкономическими
факторами и темпами роста ВВП на душу населения
в разных группах стран в 1960–2004 гг.**

	Группа	Валовое накопление	Валовые внутренние сбережения	Госрасходы	Прямые иностранные инвестиции	Торговля	Международная помощь
1960–1973	A	0,26			—*	0,28	
	B		0,45	-0,32	—	0,16	
	C	0,38	0,18	-0,21	—		

Продолжение таблицы

1960–1989	A	0,37	0,18	-0,10	0,17		
	B	0,20		-0,20	0,25	0,12	0,23
	C	0,33	0,27	-0,18	0,27		-0,52
1990–2004	A	0,17			0,18		-0,14
	B	0,12			0,23		
	C	0,18	0,25	-0,18	0,19	0,24	
1990–2004	A	0,24	0,07	-0,07	0,16		-0,06
	B	0,08	0,10	-0,20	0,19		
	C	0,35	0,21	-0,29	0,16		-0,26

*Значения этого показателя отсутствуют.

Примечание: в качестве наблюдения использовалось значение одной переменной в отдельно взятой стране в определенном году.

Из представленных в таблице данных следует, что можно выделить три типа воздействия макроэкономических факторов на темпы роста ВВП на душу населения. Во-первых, это устойчивое в долгосрочном периоде и, как правило, возрастающее по мере повышения благосостояния влияние на рост экономики всех групп стран, наблюдаемое для таких факторов, как валовое внутреннее накопление, валовые внутренние сбережения и прямые иностранные инвестиции. Воздействие второго типа, характерное для государственных расходов, оказывается на развитии экономики стран с определенным уровнем ВВП на душу населения и практически отсутствует в государствах с другим уровнем благосостояния. К третьему типу относится краткосрочное влияние на динамику роста всех групп стран, проявляющееся в случае таких переменных, как внешняя торговля и международная помощь.

Как показал корреляционный анализ, сильнее всего стимулируют экономический рост повышение нормы накопления, увеличение объемов внутренних сбережений и рост прямых иностранных инвестиций. Положительное влияние внешней торговли на развитие экономики не столь велико и менее устойчиво. Государственные расходы практически всегда оказывают стабильное отрицательное воздействие на рост ВВП на душу населения. Слабее всего в мировой экономике выражено негативное влияние международ-

ной помощи. Обобщение полученных данных позволяет также заключить, что влияние большинства из рассмотренных факторов наиболее ярко и устойчиво проявляется в группе развитых стран.

Специфика экономического роста в России

В заключение рассмотрим основные взгляды на факторы развития экономики России, являющегося в течение двух последних десятилетий предметом пристального изучения как отечественных, так и зарубежных ученых. Распад СССР и глубочайший трансформационный кризис (объем производства в 1998 г. составлял 60% от 1990 г.) (130, с. 4), медленный выход из которого занял более десяти лет, существенно отличается от более динамичного восстановления экономики в странах Центральной и Восточной Европы. Однако это падение в 2000 г. сменилось бурным ростом российской экономики, который продолжался до середины 2008 г.

Отличительной особенностью процесса восстановления в России был более слабый (по сравнению с другими транзитивными государствами) приток иностранных инвестиций, т.е. возрождение национальной экономики было обусловлено в первую очередь внутренними ресурсами. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, какие факторы роста российской экономики являлись основными в последние годы. Ниже приведен признанный механизм экономического роста в России после кризиса 1998 г.

Этот рост начался вскоре после финансового кризиса 1998 г., что позволяет, учитывая значительную зависимость российской экономики от экспорта продукции сырьевых отраслей, рассматривать в качестве одного из факторов развития благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру.

Девальвация обменного курса рубля в 1998 г. привела к относительному удешевлению российских товаров, что стимулировало рост экспорта, ставший основным фактором развития на раннем этапе (1999–2000). Резкий рост цен на импортируемую продукцию привел к снижению спроса на нее со стороны населения. Обе эти тенденции вызвали повышение спроса на продукцию отечественных производителей, и это в совокупности с понижением мировых цен на энергоресурсы способствовало росту конкурентоспособности отечественных предприятий и объемов промышленного производства (131). Однако увеличение выпуска шло в первую очередь за счет сырьевых отраслей – нефте- и газодобычи и металлургии,

на которые, по оценке ОЭСР, в 2003 г. приходилось до 70% от общего объема промышленного производства (132, с. 31). Рост в обрабатывающих отраслях экономики начался лишь в 2003 г. на фоне повышения благосостояния населения и улучшения положения в государственных финансах. Наиболее динамичное развитие наблюдалось преимущественно в тех отраслях, которые, воспользовавшись благоприятной рыночной конъюнктурой, прошли процесс структурной перестройки и технологического обновления – в машиностроении и пищевой промышленности.

Характерной особенностью российского экономического роста стала низкая норма накопления, ограничивавшая инвестиционные возможности предприятий. В таких условиях рост производства в большинстве случаев достигался за счет загрузки простаивавших в 1990-е годы производственных мощностей. Нехватка внутренних инвестиций объяснялась как трудным финансовым положением предприятий, так и неразвитостью финансовой системы, тяжело перенесшей последствия кризиса 1998 г. Трехкратное падение уровня жизни населения в 1990-х годах (133) и снижение доверия к государству, финансовым институтам и национальной валюте привели к тому, что большая часть средств сберегалась гражданами дома в иностранной валюте. При этом норма сбережения постепенно снижалась, достигнув в 2000 г. минимума – 6% (134, с. 83).

Отсутствие прямых иностранных инвестиций объяснялось низким уровнем развития институтов. Ограниченнность прав собственника, отсутствие четких механизмов контроля со стороны мажоритариев за ситуацией в компании, низкая прозрачность бизнеса и плохое качество корпоративного управления в целом пугали инвесторов, особенно иностранных (см., например, источник 135). Нестабильность российской экономики, устаревшее законодательство, нарушение принципа независимости судебной системы и последствия финансового кризиса 1998 г. долгое время сдерживали приток иностранных инвестиций (136). Ситуация начала меняться в начале 2000-х годов, когда рост реальных доходов населения привел к увеличению внутреннего спроса. Однако начавшийся рост притока прямых иностранных инвестиций долгое время оставался сконцентрированным в сырьевых отраслях и отраслях с быстрым оборотом средств – в пищевой промышленности и торговле (137).

Еще одним фактором роста российской экономики стала грамотная макроэкономическая политика правительства. Она была направлена на увеличение доходов от экспорта энергоносителей и

скорейшее восстановление экономики после кризиса. Начавшийся в 2000 г. рост мировых цен на нефть в совокупности с увеличением объемов добычи привел к резкому повышению доходов нефтяных компаний. Однако активная бюджетная политика правительства, направленная на максимизацию налоговых поступлений от экспорта, уменьшила прибыль нефтедобывающих компаний и привела к существенному росту доходной части бюджета.

Говоря о вкладе различных факторов в развитие отечественной экономики, специалисты расходятся во мнениях о том, какой из них сыграл наиболее важную роль. Большинство авторов считают, что основной вклад в экономический рост России в новейшем периоде внесла благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Одни видят ключевую причину успеха в резкой девальвации рубля (138) и в его медленном последующем укреплении, давшем отечественным производителям возможность нарастить объемы производства и провести структурную перестройку предприятий, направленную на повышение их конкурентоспособности (139). Другие считают – рост благосостояния в России обеспечен подъемом на мировых энергетических рынках и ростом доходов от экспорта нефти (140). При этом многие авторы часто преувеличивают вклад энергетических отраслей в развитие экономики. По расчетам Е. Гурвича, вклад нефтегазового комплекса в экономический рост в 2000–2003 гг. составил лишь 23,9% (141, с. 20). Учитывая данное обстоятельство, как полагают некоторые исследователи, наряду с повышением доходов от энергетической отрасли положительную динамику роста стимулирует грамотная макроэкономическая политика правительства (142). При этом ряд экономистов считают, что основным фактором развития в посткризисных условиях является реформирование отечественной экономики (130), стимулирующее рост внутреннего спроса (143).

Анализ динамики основных индикаторов российской экономики в 1990–2004 гг. свидетельствует: по своим значениям и амплитуде колебаний они были близки к соответствующим показателям нефтедобывающих государств (144), что делает задачу диверсификации российской экономики и эффективного инвестирования доходов от экспорта энергоносителей приоритетной для поддержания устойчивых темпов роста.

Следует отметить ретроспективный характер большинства исследований российского экономического роста. В то же время чрезвычайно важный вопрос о способах сохранения высоких тем-

пов развития в будущем и о его ключевых факторах остается малоизученным. Предпринимавшиеся попытки дать на него ответ, как правило, ограничивались краткими рекомендациями – провести диверсификацию российской экономики (142), обеспечить рост производительности всех факторов производства за счет повышения образованности и укрепить финансовое положение предприятий (145) или начать постепенный запуск механизма инновационного роста (146).

В этой связи большой интерес представляет работа коллектива экономистов Сигма (Л. Григорьев, А. Аузан, С. Афонцев, Е. Гонтмахер, Б. Кузнецов, Т. Малева, В. Тамбовцев, А. Шаститко и др.), показавшего необходимость формирования широкой общественной коалиции для модернизации экономики России и обеспечения устойчивого роста в будущем. Эти исследователи пришли к выводу, что существует четыре возможных сценария развития отечественной экономики.

1. Сценарий «Рантье» – попытка жить на ренту от экспорта природных ресурсов, усугубляющая зависимость отечественной экономики от конъюнктуры мировых сырьевых рынков.

2. Неомобилизационный сценарий – концентрация государственных ресурсов на приоритетных направлениях развития. Предполагает активное участие правительства и государственных компаний в его реализации, что приведет к снижению эффективности.

3. Инерционный сценарий – продолжение реформы рыночных институтов и удовлетворение сиюминутных интересов различных общественных групп.

4. Модернизационный сценарий – формирование общественной коалиции, которая разработает и реализует долгосрочную программу структурной перестройки экономики, способную обеспечить стабильное развитие России в будущем.

По мнению авторов, три первых сценария не решат проблем отечественной экономики. Лишь труднореализуемый и требующий значительного объема ресурсов модернизационный сценарий способен обеспечить переход России на новый уровень развития (147). Необходимость изменения сценария развития отечественной экономики подтверждает и исследование С. Алексашенко, показавшего, что начавшийся в России в 2008 г. кризис был в значительной степени обусловлен внутренними причинами (148).

Начавшийся в 2007 г. глобальный экономический кризис еще больше повысил актуальность исследования факторов и механиз-

мов экономического роста. Беспрецедентная глубина поражения мировой финансовой системы и затяжной характер падения основных экономических индикаторов заставляют задуматься о возможном изменении парадигмы экономического развития. В этих условиях создание стратегии выхода из кризиса, основанной на глубоком понимании современных процессов в экономике, будет способствовать скорейшему восстановлению мирового хозяйства.

Литература

1. Wacziarg R. Review of Easterly's «The Elusive quest for growth» // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 907–918.
2. Harrod R. Towards a dynamic economics: Some recent developments of economic theory and their application to policy. – L.: Macmillan, 1948. – 172 p.
3. Kaldor N. A model of economic growth // Econ. j. – Oxford, 1957. – Vol. 67. – P. 591–624.
4. Осадчая И. Консерватизм против реформизма: Две тенденции в буржуазной политэкономии. – М.: Мысль, 1984. – 223 с.
5. Easterly W. The elusive quest for growth. Economists' adventures and misadventures in the tropics. – Cambridge: MIT press, 2000. – 364 p.
6. Solow R. A contribution to the theory of economic growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1956. – Vol. 70, N 1. – P. 65–94.
7. Lucas R. On the mechanics of economic development // J. of monetary economics. – N.Y., 1988. – Vol. 22, N 1. – P. 3–42.
8. Phelps E. A golden rule of accumulation // American econ. rev. – Pittsburgh, 1961. – Vol. 51, N 4. – P. 638–643.
9. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Rev. of economics and statistics. – Cambridge, 1957. – Vol. 39, N 3. – P. 312–320.
10. Boskin M., Lau L. Capital, technology and economic growth // Rosenberg N., Landau R., Mowery D. Technology and the wealth of nations. – Stanford: Stanford univ. press, 1992. – P. 17–55.
11. Дагаев А. Новые модели экономического роста с эндогенным технологическим прогрессом // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2001. – № 6. – С. 40–51.
12. Solow R. Growth theory // Companion to contemporary economic thought / Greenaway D., Bleaney M., Stewart I. (eds.). – L.: Routledge, 1991. – P. 393–415.
13. Jones C. R&D-based models of economic growth // J. of political economy. – Chicago, 1995. – Vol. 103, N 4. – P. 759–784.

14. Lin H., Russo B. Taxation policy toward capital, technology and long-run growth // J. of macroeconomics. – N.Y., 1999. – Vol. 21, N 3. – P. 463–491.
15. Barro R. Government spending in a simple model of endogenous growth // J. of political economy. – Chicago, 1990. – Vol. 98, N 5. – P. 103–125.
16. Barro R. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1991. – Vol. 106, N 2. – P. 407–443.
17. Loayza N., Fajnzylber P., Calderon C. Economic growth in Latin America and the Caribbean: Stylized facts, explanations, and forecasts // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2004. – N 265. – 150 p.
18. Loening J. Effects of primary, secondary and tertiary education on economic growth: Evidence from Guatemala // World bank policy research working paper. – N.Y., 2005. – N 3610. – 80 p.
19. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. The allocation of talent: Implications for growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1991. – Vol. 106, N 2. – P. 503–530.
20. Artadi E., Sala-i-Martin X. The economic tragedy of the XXth century: Growth in Africa // NBER working paper. – Cambridge, 2003. – N 9865. – 33 p.
21. Bils M., Klenow P. Does schooling cause growth or the other way around? // NBER working paper. – Cambridge, 1998. – N 6393. – 44 p.
22. Filmer D., Pritchett L. Child mortality and public spending on health: How much does money matter? // World bank policy research working paper. – N.Y., 1997. – N 1864. – 48 p.
23. Pritchett L., Filmer D. What educational production functions really show: A positive theory of education spending // Economics of education rev. – N.Y., 1999. – Vol. 18, N 2. – P. 223–239.
24. Sarel M. Growth and productivity in ASEAN countries // IMF working paper. – Washington D.C., 1997. – N 97. – 28 p.
25. Zeira J. Workers, machines and economic growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1998. – Vol. 113, N 4. – P. 1091–1117.
26. Campos N., Coricelli F. Growth in transition: What we know, what we don't, and what we should // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 793–836.
27. Barreiro-Pereira F. Spatial effects on technical progress: Growth and convergence among countries: Materials of 44th European Congress of the European regional science association. – Porto: Univ. of Porto, 2004. – 24 p.
28. Barro R., Sala-i-Martin X. Technological diffusion, convergence and growth // NBER working paper. – Cambridge, 1995 – N 5151. – 45 p.
29. Lee J. Capital goods imports and long-run growth // J. of development economics. – N.Y., 1995. – Vol. 48, N 1. – P. 91–110.
30. Chan V., Hu S. Taiwan's experience in switching its engines of growth // Asian econ. papers. – Cambridge, 2002. – Vol. 1, N 3. – P. 243–257.

31. Brander J. Comparative economic growth: Evidence and interpretation // Canadian j. of economics. – Montreal, 1992. – Vol. 25, N 4. – P. 792–818.
32. Baumol W. Productivity growth, convergence, and welfare: What the long-run data show // American econ. rev. – Pittsburgh, 1986. – Vol. 76, N 5. – P. 1072–1085.
33. Pritchett L. Divergence, big time // J. of economic perspectives. – Pittsburgh, 1997. – Vol. 11, N 3. – P. 3–17.
34. Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: Policies and ethnic divisions // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1997. – Vol. 112, N 4. – P. 1203–1250.
35. Leblang D. Political democracy and economic growth: Pooled cross-sectional and time-series evidence // British j. of political science. – Cambridge, 1997. – Vol. 27, N 3. – P. 453–466.
36. Barro R. Democracy and growth // NBER working paper. – Cambridge, 1994. – N 4909. – 48 p.
37. Campos N., Coricelli F. Growth in transition: What we know, what we don't, and what we should // J. of econ. literature. – Stanford, 2002. – Vol. 40, N 3. – P. 793–836.
38. Fisher S., Sahay R., Vegh C. Economies in transition: The beginnings of growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1996. – Vol. 86, N 2. – P. 229–233.
39. Cosse S. The energy sector reform and macroeconomic adjustment in a transition economy: The case of Romania // IMF policy discussion paper. – Washington D.C., 2003. – N 2. – 25 p.
40. Landau D. Government expenditure and economic growth: A cross-country study // Southern econ. j. – Richmond, 1983. – Vol. 49, N 3. – P. 783–792.
41. Grier K., Tullock G. An empirical analysis of cross-national economic growth, 1950–1980 // J. of monetary economics. – NY., 1987. – Vol. 24, N 2. – P. 259–276.
42. Barth J., Bradley M. The impact of government spending on economic activity. – Washington D.C.: National Chamber Foundation, 1988. – 32 p.
43. Kormendi R., Meguire P. Macroeconomic determinants of growth: A cross-country evidence // J. of monetary economics. – N.Y., 1985. – Vol. 16, N 3. – P. 141–163.
44. Good policy or good luck? Country growth performance and temporary shocks / Easterly W., Kremer M., Pritchett L., Summers L. // NBER working paper. – Cambridge, 1993. – N 4474. – 39 p.
45. Roubini N., Sala-I-Martin X. Financial development. The trade regime, and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 1991. – N 3876. – 59 p.
46. Bruno M., Easterly W. Inflation crises and long-run growth // J. of monetary economics. – N.Y., 1998. – Vol. 41, N 1. – P. 3–26.
47. Rebelo S., Stokey N. Growth effects on flat-rate taxes // J. of political economy. – Chicago, 1995. – Vol. 103, N 3. – P. 519–550.
48. Levine R. Financial development and economic growth: Views and agenda // J. of econ. literature. – Stanford, 1997. – Vol. 35, N 2. – P. 688–726.

49. Rajan R., Zingales L. Financial dependence and growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1998. – Vol. 88, N 3. – P. 559–586.
50. King R., Levine R. Finance and growth: Schumpeter might be right // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1993 – Vol. 108, N 3. – P. 717–737.
51. Levine R., Zervos S. Stock markets, banks and economic growth // American econ. rev. – Pittsburgh, 1998. – Vol. 88, N 3. – P. 537–558.
52. Levine R., Zervos S. Stock market development and long-run growth // World bank policy research working paper. – Washington D.C., 1996. – N 1582. – 32 p.
53. Easterly W., Fischer S. Inflation and the poor // J. of money, credit and banking. – Columbus, 2001 – Vol. 33, N 2. – P. 160–178.
54. Mauro P. Corruption and growth // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1995. – Vol. 110, N 3. – P. 681–712.
55. Shiells C. FDI and the investment climate in the CIS countries // IMF policy discussion paper. – Washington D.C., 2003. – N 5. – 34 p.
56. Tanzi V., Davoodi H. Roads to nowhere: How corruption in public investment hurts growth // IMF econ. issues. – Washington D.C., 1998. – N 12. – 19 p.
57. Doing business in 2005. – Washington D.C.: World bank, 2005. – 161 p.
58. International financial integration and economic growth / Edison H., Levine R., Ricci L., Slok T. // IMF working paper. – Washington D.C., 2002. – N 145. – 31 p.
59. Barro R. Quantity and quality of economic growth // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2002 – N 168. – 44 p.
60. Bauer P. Dissent on development: Studies and debates in development economics. – Cambridge: Harvard univ. press, 1972. – 550 p.
61. Djankov S., Montalvo J., Reynal-Querol M. The curse of aid // J. of econ. growth. – Boston, 2008. – Vol. 13, N 3. – P. 169–194.
62. Rajan R., Subramanian A. Aid and growth: What does the cross-country evidence really show? // NBER working paper. – Cambridge, 2005. – N 11 513. – 48 p.
63. Przeworski A., Vreeland J. The effect of IMF programs on economic growth // J. of development economics. – Amsterdam, 2000. – Vol. 62, N 2. – P. 385–421.
64. Alesina A., Perotti R. Fiscal expansions and adjustments in OECD countries // Econ. policy. – Münich, 1995. – Vol. 10, N 21. – P. 205–248.
65. Easterly W. When is fiscal adjustment an illusion? // Econ. policy. – Münich, 1999. – Vol. 14, N 28. – P. 55–86.
66. Papanek G. Aid, foreign private investment, savings, and growth in less developed countries // J. of political economy. – Chicago, 1973. – Vol. 81, N 1. – P. 120–130.
67. Chenery H., Strout A. Foreign assistance and economic development // American econ. rev. – Pittsburgh, 1966. – Vol. 56, N 4. – P. 679–733.
68. Rostow W. The stages of economic growth: A non-communist manifesto. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 327 p.

69. Gyamfi P. Infrastructure maintenance in LAC: The cost of neglect and options for improvement / World bank Latin America and Caribbean technical department regional studies program report. – Washington D.C., 1992. – Vol. 4, N 17. – 66 p.
70. Chuang Y. Learning by doing, the technology gap and growth // Internat. econ. rev. – Philadelphia, 1998. – Vol. 39, N 3. – P. 697–721.
71. Frankel J., Romer D. Does trade cause growth? // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 3. – P. 379–399.
72. Ortiz C. Learning-by-doing, government spending and economic growth: A model a la Matsuyama-Barro // Universidad Del Valle working paper. – Cali, 2003. – N 68. – 29 p.
73. Alesina A., Wacziarg R. Openness, country size and the government // NBER working paper. – Cambridge, 1997. – N 6024. – 29 p.
74. Edwards S. Openness, productivity and growth: What do we really know // Econ. j. – Cambridge, 1998. – Vol. 108, N 447. – P. 383–398.
75. Borensztein E., De Gregorio J., Lee J.-W. How does foreign direct investment affect economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 1995. – N 5057. – 29 p.
76. Lipsey R. Home and host country effect of FDI // NBER working paper. – Cambridge, 2002. – N 9293. – 78 p.
77. Goldberg L. Financial sector FDI and host countries: New and old lessons // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 441. – 27 p.
78. Alfaro L., Chanda A., Kalemli-Ozcan S., Sayek S. How does foreign direct investment promote economic growth? Exploring the effects of financial markets on linkages // NBER working papers. – Cambridge, 2006. – N 12 522. – 58 p.
79. Institutions as the fundamental cause of long-run growth / Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 481. – 111 p.
80. North D., Weingast B. Constitutions and commitment: The evolution of institutions governing public choice in seventeenth century England // J. of econ. history. – Cambridge, 1989. – Vol. 49, N 4. – P. 803–832.
81. Rodrik D. Institutions for high-quality growth: What they are and how to acquire them // NBER working paper. – Cambridge, 2000. – N 7540. – 50 p.
82. Glaeser E., Johnson S., Shleifer A. Coase versus the Coasians // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 2001. – Vol. 116, N 3. – P. 853–899.
83. Hausmann R., Gavin M. Securing stability and growth in a shock prone region: The policy challenge for Latin America. – Washington D.C.: Inter-American development bank, 1996. – 33 p.
84. Rodrik D. Why do more open economies have bigger governments? // J. of political economy. – Chicago, 1998. – Vol. 106, N 5. – P. 997–1032.
85. Rodrik D. Where did all the growth go? External shocks, social conflict, and growth collapses // J. of econ. growth. – Boston, 1999. – Vol. 4, N 4. – P. 385–412.

86. Bordo M., Meissner C. Foreign capital and economic growth in the first era of globalization // NBER working paper. – Cambridge, 2007. – N 13 577. – 50 p.
87. Tiffin A. Ukraine: The cost of weak institutions // IMF working paper. – Washington, D.C., 2006. – N 167. – 29 p.
88. Johnson S., Ostry D., Subramanian A. The prospects for sustained growth in Africa: Benchmarking the constraints // NBER working papers. – Cambridge, 2007. – N 13 120. – 57 p.
89. Dell M., Jones B., Olken B. Climate change and economic growth: Evidence from the last half century // NBER working paper. – Cambridge, 2008. – N 14 132. – 48 p.
90. Sachs J. Tropical underdevelopment // NBER working paper. – Cambridge, 2001. – N 8119. – 40 p.
91. Bloom D., Canning D., Malaney N. Population dynamics and economic growth in Asia // Population and development rev. – N.Y., 2000. – Vol. 26, Supplement: Population and economic change in East Asia. – P. 257–290.
92. Kelley A., Schmidt R. Towards a cure for the myopia and tunnel vision of the population debate: A dose of historical perspective // The impact of population growth on well being in developing countries /Ahkburg D., Kelley A., Oppenheim M. (eds.). – N.Y.: Springer, 1996. – P. 11–36.
93. Resource abundance and economic development / R. Auty (ed.). – Oxford: Oxford univ. press, 2001. – 350 p.
94. Mehrlum H., Moene K. O., Torvik R. Institutions and the resource curse // Econ. j. – Cambridge, 2005. – Vol. 116, N 508. – P. 1–20.
95. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопросы экономики. – М., 2007. – № 6. – С. 4–27.
96. Lane P., Tornell A. The voracity effect // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 1. – P. 22–46.
97. Ades A., Di Tella R. Rents, competition, and corruption // American econ. rev. – Pittsburgh, 1999. – Vol. 89, N 4. – P. 982–993.
98. Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. Kleptocracy and divide-and-rule: A theory of personal rule // J. of the Europ. econ. association. – Cambridge, 2004. – Vol. 2, N 1. – P. 162–192.
99. Alexeev M., Conrad R. The elusive curse of oil // SAN working papers series. – Stanford, 2005. – N 7. – 26 p.
100. Тараканов Г.И. Мировой опыт ускорения экономического роста: Ключевые факторы // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2008. – № 2. – С. 14–21.
101. Rossi-Hansberg E., Wright M. Urban structure and growth // Rev. of econ. studies. – L., 2007 – Vol. 74, N 2. – P. 597–624.
102. Barro R., McCleary R. Religion and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 2003. – N 9682. – 54 p.

103. Doppelhofer G., Miller R., Sala-i-Martin X. Determinants of long-term growth: a Bayesian averaging of classical estimates (Bace) approach // NBER working paper. – Cambridge, 2000. – N 7750. – 54 p.
104. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОССПЭН, 2006. – 648 с.
105. Kusi N. Economic growth and defense spending in developing countries // J. of conflict resolution. – New Haven, 1994. – Vol. 38, N 1. – P. 152–159.
106. Stroup M., Heckelman J. Size of the military sector and economic growth: A panel data analysis of Africa and Latin America // J. of applied economics. – Buenos Aires, 2001. – Vol. 4, N 2. – P. 329–360.
107. Красильщиков В. Кризис в Восточной Азии: 10 лет спустя // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2007. – № 8. – С. 71–82.
108. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / Под ред. А. Дынкина. – М.: Магистр, 2007. – 428 с.
109. Young A. The tyranny of numbers: Confronting the statistical realities of the East Asian growth experience // Quarterly j. of economics. – Cambridge, 1995. – Vol. 110, N 3. – P. 641–680.
110. Krugman P. The myth of Asia's miracle // Foreign affairs. – N.Y., 1994. – Vol. 73, N 6. – P. 62–78.
111. Collins. S., Bosworth B. Economic growth in East Asia: Accumulation versus assimilation // Brookings papers on econ. activity. – Washington D.C., 1996. – N 2. – P. 135–203.
112. Young, A. A Tale of two cities: Factor accumulation and technical change in Hong Kong and Singapore / NBER macroecon. annual. – Cambridge: MIT press, 1992. – Vol. 7. – P. 13–54.
113. Klenow P., Rodriguez-Clare A. The neoclassical revival in growth economics: Has it gone too far? / NBER macroecon. annual. – Cambridge: MIT press, 1997. – Vol. 12. – P. 73–103.
114. Easterly W., Levine R. It's not factor accumulation: Stylized facts and growth models // Central bank of Chile working papers. – Santiago, 2002. – N 164. – 59 p.
115. Nelson R., Pack H. The Asian miracle and modern growth theory // World bank working paper. – Washington D.C., 1997. – N 1881. – 46 p.
116. Iwata S., Khan M., Murao H. Sources of economic growth in East Asia: A non-parametric assessment // IMF staff papers. – Washington D.C., 2002. – Vol. 50, N 2. – P. 157–177.
117. Krueger A. East Asian experience and endogenous growth theory // Growth theories in light of the East Asian experience / Ito T., Krueger A. (eds.). – Chicago: Univ. of Chicago press, 1995. – P. 9–36.
118. Miracle or design? Lessons from the East Asian experience / Fishlow A., Gwin C., Haggard S., Rodrik D. – Washington D.C.: Overseas development council, 1994. – 109 p.

119. Singh A. Openness and the market friendly approach to development: Learning the right lessons from development experience // World development. – Montreal, 1994. – Vol. 22, N 12. – P. 1811–1823.
120. Hulten C. Infrastructure capital and economic growth: How well you use it may be more important than how much you have // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5847. – 39 p.
121. Helliwell J. Economic growth and social capital in Asia // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5470. – 32 p.
122. Frankel J., Romer D., Cyrus T. Trade and growth in East Asian countries: Cause and effect? // NBER working paper. – Cambridge, 1996. – N 5732. – 41 p.
123. Rodrik D. Getting interventions right: How South Korea and Taiwan grew rich // NBER working paper. – Cambridge, 1994. – N 4964. – 78 p.
124. Prasad E., Rajan R., Subramian A. Foreign capital and economic growth // NBER working paper. – Cambridge, 2007. – N 13 619. – 64 p.
125. Barro R. Economic growth in East Asia before and after the financial crisis // NBER working paper. – Cambridge, 2001. – N 8330 – 42 p.
126. Dornbusch R. Malaysia: Was it different? // NBER Working Papers. – Cambridge, 2001. – N 8325. – 18 p.
127. Fogel R. High performing Asian economies // NBER working paper. – Cambridge, 2004. – N 10 752. – 22 p.
128. Тараканов Г.И. Факторы ускоренного развития экономики стран Юго-Восточной Азии // Вестник Моск. ун-та. Серия 6 Экономика. – М., 2008. – № 2. – С. 73–84.
129. Тараканов Г.И. Детерминанты экономического роста и уровень развития страны // Мировая экономика и междунар. отношения. – М., 2007 – № 9 – С. 51–58.
130. Ясин Е. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 5. – С. 4–25.
131. Валютный курс и экономический рост / Алексашенко С., Клепач А., Осипова О., Пухов С. // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 8. – С. 4–31.
132. Аренд Р. Источники посткризисного экономического роста в России // Вопросы экономики. – М., 2005. – № 1. – С. 28–48.
133. Обзор экономической политики в России за 2003 год / Авдашева С., Афонцев С., Воронина В. и др. – М.: Тейс, 2004. – 462 с.
134. Акиндина Н. Склонность населения России к сбережению: тенденции 1990-х годов // Вопросы экономики. – М., 2001. – № 10. – С. 80–96.
135. Кузнецов Б. Развитие спроса на институты на примере корпоративного законодательства (взгляд экономиста) // Развитие спроса на правовое регулирование корпоративного управления в частном секторе. – М., 2003. – (Науч. докл. / Моск. обществ. науч. фонд; № 148). – С. 65–82.

136. Тамбовцев В. Улучшение защиты прав собственности – неиспользуемый резерв экономического роста России? // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 1. – С. 22–38.
137. Стародубровский В. Кривая дорога прямых инвестиций // Вопросы экономики. – М., 2003. – № 1. – С. 73–95.
138. Экономический рост России: Амбиции и реальные перспективы / Клепач А., Смирнов С., Пухов С., Ибрагимова Д. // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 8. – С. 4–20.
139. Золотухина Т. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 6. – С. 95–111.
140. Миронов В., Пухов С. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 8. – С. 121–136.
141. Гурвич Е. Макроэкономическая оценка роли российского нефтегазового комплекса // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 10. – С. 4–31.
142. Аренд Р. Как поддерживать экономический рост в ресурсно-зависимой экономике // Вопросы экономики. – М., 2006. – № 7. – С. 24–36.
143. Крюгер Э. Экономический рост и реформы в России // Вопросы экономики. – М., 2002. – № 6. – С. 4–9.
144. Тараканов Г.И. Динамика основных факторов экономического роста России в 1990–2004 гг. // Проблемы современной экономики. – СПб, 2008. – № 1. – С. 280–283.
145. Брич А. Путь России к процветанию в постиндустриальном мире // Вопросы экономики. – М., 2003. – № 5. – С. 19–41.
146. Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста: Доклад ГУ-ВШЭ, МАЦ // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 10. – С. 32–54.
147. Коалиции для будущего. Стратегии развития России: Коллектив экономистов Сигма – М.: Издательство «Промышленник России», 2007. – 112 с.
148. Алексашенко С. Кризис–2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 11. – С. 25–37.